

оригинальная статья

Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса

Хахалкина Елена Владимировна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, г. Томск

<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>ekhakhalkina@mail.ru

Поступила в редакцию 25.03.2022. Принята после рецензирования 15.04.2022. Принята в печать 29.04.2022.

Аннотация: Выдвигается тезис о влиянии пандемии коронавируса на идентичность ЕС как спускового крючка для ее качественного переформатирования вследствие произошедшего столкновения национального и общеевропейского уровней самосознания на первоначальном этапе пандемии и последующей трансформации политики Брюсселя в сторону попыток укрепления солидарности и сплочения в связи с продолжением пандемии и крайней неустойчивости общей ситуации в отдельных странах Евросоюза. В первой части содержится теоретическое описание концепта идентичности ЕС и его проблематизация в условиях пандемии. Во второй части обозначены вызовы идентичности ЕС с началом пандемии и погружением союза в фазу неопределенности. В третьей части показаны действия Брюсселя по укреплению возникшего весной 2020 г. кризиса доверия и солидарности как базовых принципов идентичности ЕС. Далее на основе анализа опросов Евробарометра последних лет выявлена динамика отношения населения к разным уровням коллективного самосознания. В заключении содержатся выводы о повышении значения для Брюсселя концепта идентичности ЕС как защитного механизма союза в условиях продолжающейся пандемии и обострения прежних хронических проблем объединения.

Ключевые слова: идентичность Европейского союза, коронавирус, солидарность, международная неопределенность

Цитирование: Хахалкина Е. В. Идентичность ЕС в условиях пандемии коронавируса. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 3. С. 333–340. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-333-340>

full article

Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic

Elena V. Khakhalkina

Tomsk State University, Russia, Tomsk

<https://orcid.org/0000-0002-1747-163X>ekhakhalkina@mail.ru

Received 25 Mar 2022. Accepted after peer review 15 Apr 2022. Accepted for publication 29 Apr 2022.

Abstract: The coronavirus pandemic triggered a qualitative reformatting of the pan-European identity. Early in the pandemic, it clashed with national self-awareness. As Brussels attempted to strengthen solidarity and cohesion, the situation in some EU countries became extremely instable. The present article contains a theoretical description of the concept of EU identity and the transformations it underwent during the COVID-19 pandemic. It focuses on the early challenges to the EU's identity, its subsequent plunge into uncertainty and confusion, and Brussels' attempts to build trust and solidarity as the basic principles of the EU's identity. The author analyzed the Eurobarometer surveys to reveal the public attitude towards the two conflicting levels of identity. During the pandemic, the pan-European identity served as a protective mechanism against the exacerbation of chronic unification problems.

Keywords: European Union identity, coronavirus, solidarity, world uncertainty

Citation: Khakhalkina E. V. Pan-European Identity during the COVID-19 Pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(3): 333–340. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-3-333-340>

Введение

Все мировое сообщество, от простых обывателей до политиков и ученых, столкнулось с необходимостью полностью перестроить свой привычный уклад жизни, действовавший без сбоев много лет, в связи с объявлением ВОЗ 11 марта 2020 г. пандемии вируса нового типа. Ковид-19 поставил

под сомнение дальнейшее существование в прежнем виде национальных систем здравоохранения, модели социальной защиты и обеспечения, механизмы экономического регулирования и общую логику международных процессов, ставших характеризоваться как неопределенность.

Мобильность населения, нараставшая с каждым годом, была не просто временно прекращена в большей части земного шара; ее ограничение оказалось одним из главных средств для борьбы с пандемией. Продолжающая уже более двух лет ситуация по-прежнему носит чрезвычайный характер, оставаясь вызовом для всех и каждого. В особо сложном положении находится ЕС. Для него пандемия коронавируса стала проверкой на прочность, затмившей по своим масштабам, воздействию и последствиям все предыдущие вызовы, включая экономический кризис 2008–2009 гг., миграционный кризис 2014–2016 гг., Брекзит и др.

Понятие идентичности ЕС и его теоретические основания

Состояние и перспективы идентичности ЕС как системообразующего и поддерживающего единство союза каркаса в последние годы привлекают повышенное внимание экспертов, фиксирующих сбои в работе этого важного механизма [1–7] и предлагающих свое видение решения возникающих проблем [8–14]. Проблему признают и в ЕС, обращая внимание на спекуляции национальных правительств для увеличения своей популярности за счет ослабления имиджа ЕС. Так, в Белой книге 2017 г., изданной к 60-летию подписания Римских договоров, акцентировалось внимание на сложившемся в ЕС феномене, при котором в каких-либо трудностях экономического, социально-политического или иммиграционного характера национальные правительства склонны публично винить Брюссель, зарабатывая политические очки в своих странах, в то время как достижения Евросоюза преподносятся в первую очередь как успехи национальных государств¹.

Оговоримся, что под термином *идентичность ЕС* подразумевается самоидентификация жителей ЕС с ним или чувство принадлежности к объединению. Как любая форма индивидуального или коллективного самосознания идентичность ЕС обладает множественными формами и является динамичной категорией [15, p. 10], на формирование и функционирование которой оказывают влияние разноректорные силы и факторы, как потенциально способные привести к ее укреплению, так и разрушающие ее функции как «скрепы» общества / обществ и его / их иммунитета перед лицом угроз (массовые притоки беженцев, терроризм, правый популизм, пандемия коронавируса и др.).

В теоретическом плане одним из подходов к конструированию идентичности ЕС является представление о ней как мраморном кексе (marble cake). Такой пирог состоит из сдобного теста с вкраплениями темного теста, смешанного с какао. Поэтому использование данного выражения в отношении идентичности ЕС подразумевает

не добавление европейского слоя к другим политическим идентичностям, которые могут разделять граждане ЕС, а европеизацию национального уровня самосознания [16, p. 561]. Как отмечают авторы, все национальные идентичности ЕС в некоторой степени содержат европейский элемент [16, p. 561]. Иначе говоря, речь идет о вкраплении идентичности ЕС в национальный уровень.

Ядром избранной методологической рамки является представление о концепции идентичности ЕС в условиях коронакризиса как ресурсе развития, предложенном российским политологом И. С. Семененко [17–19]. В логике обозначенного теоретического видения идентичность ЕС выступает в качестве инструмента для укрепления единства организации и перезагрузки идейно-политической философии союза.

Следует также сделать важное уточнение – несмотря на огромный пласт литературы, связанной с понятием коллективного самосознания на уровне ЕС, указанная категория остается во многом условной – отсутствует ее общепринятое определение, способы ее формирования и укрепления носят подвижный, поисковый характер. С самого начала своего существования еще на уровне концепции идентичность ЕС была тесно увязана с ключевыми характеристиками европейских демократий, впервые в истории создавших наднациональные сообщества, – от их развитой социально-экономической модели до схожих внешнеполитических установок, диктовавших позиционирование в качестве третьей силы между двумя сверхдержавами.

В докладах Евробарометра время от времени фигурирует четыре уровня коллективной идентичности: региональный, национальный, уровень ЕС и уровень космополитических взглядов. Если не считать опросов, проводимых в рамках отдельных стран и неправительственными агентствами, Евробарометр является единственной социологической службой, которая не первое десятилетие осуществляет «замеры» общеевропейской идентичности на уровне всех стран объединения [20].

Общий набор элементов общеевропейской идентичности, фигурировавших в Евробарометре в разное время в длительной исторической динамике, включает следующие составляющие: общая история; география; демократические ценности, ценности демократии и свободы; высокий уровень социальной защиты; общая культура; общее религиозное наследие; единая валюта, евро; символы: флаг, гимн, девиз «Единство в разнообразии»; успехи европейской экономики².

К ключевым элементам идентичности ЕС относятся доверие и солидарность и общие ценности, перечисленные в Декларации идентичности 1973 г. В этом документе

¹ White Paper on the Future of Europe. Reflections and Scenarios for the EU27 by 2025. 2017. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2775/66626> (accessed 22 Dec 2021).

² Respondents' Sense of National / European Identity. URL: <https://www.gesis.org/eurobarometer-data-service/search-data-access/eb-trends-trend-files/list-of-trends/identity-items/> (accessed 12 Dec 2019).

страны-участники обязывались уважать и защищать принципы представительной демократии, верховенство закона, социальную справедливость как конечную цель экономического прогресса и гражданские права. В декларации особо подчеркивалась важность «разнообразия культур внутри общей Европейской цивилизации, принадлежность к общим ценностям и принципам, увеличивающаяся конвергенция отношений к жизни, осознание наличия собственных специфических интересов и решимость участвовать в строительстве единой Европы»³. Именно эти установки вплоть до сегодняшнего дня остаются основой идентичности ЕС.

Вызовы идентичности ЕС на начальном этапе пандемии

Начальная фаза⁴ пандемии нанесла глубокий удар по принципам солидарности, доверия и открытых границ ЕС как ключевых, или базовых, элементов идентичности ЕС и вызвала очередной виток дебатов об идентичности ЕС [21; 22]. Весной 2020 г. в связи с быстрым распространением вируса некоторые государства в одностороннем порядке (Австрия, Венгрия, Словения, Чехия и др.) объявили о закрытии границ, не дожидаясь согласованности своих действий с Брюсселем. Произошло резкое столкновение двух уровней коллективного – европейского и национального – самосознания. Саммит ЕС 26 марта 2020 г. постфактум зафиксировал сложившееся положение дел: Еврокомиссия официально утвердила закрытие внутренних границ на 30 дней и разрешила государствам самостоятельно регулировать отдельные вопросы, связанные с въездом и выездом своих и иностранных граждан.

Такое решение не стало панацеей: некоторые страны не стали закрывать свои границы. Так, Бельгия закрыла все школы, детские сады, кафе и рестораны еще 12 марта 2020 г., но в Нидерландах они оставались открытыми. Поэтому бельгийцы из приграничных районов просто «заскакивали по соседству» за пивом и картофелем-фри. Когда голландцы наконец объявили, что школы, детские сады, бары и рестораны будут закрыты через три дня, министр здравоохранения Нидерландов Б. Брюинс обвинил бельгийцев в «кафе-туризме»⁵. Ситуация же с течением времени усугублялась.

Последний раз ограничения на свободное передвижение людей без паспортов внутри ЕС вводились в 2015 г. в пик миграционного кризиса, связанного с массовым наплывом беженцев. Шенгенское законодательство позволяет вводить такие меры на срок до одного месяца. Правила допускают повторное введение пограничного контроля по причинам, которые включают большие миграционные потоки, террористические атаки и чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Общий срок ограничений не должен превышать шести месяцев⁶.

Евросоюз оказался не готов к своевременной и достаточной помощи странам-участницам в самом начале пандемии в марте 2020 г. Как следствие, действия отдельных стран не согласовывались с Брюсселем и выглядели как всплеск национального эгоизма в его худших проявлениях. Каждое государство ЕС, пребывая в состоянии паралича от накатившей тревоги и страха и пытаясь спасти себя, стало накапливать запасы на тот случай, когда вирус поразит их жителей. Некоторые страны, например Германия, запретили экспорт важнейших предметов медицинского назначения, пренебрегая нормами ЕС о свободном перемещении товаров⁷. Эти и другие действия вызвали массовый гнев и обиду на ЕС в самом пострадавшем в первую волну коронавируса государстве – Италии, испытывавшем беспрецедентное в истории республики давление на систему здравоохранения и все другие социальные службы.

Председатель Еврокомиссии У. фон дер Ляйен пыталась сделать все от нее зависящее, чтобы наладить контакт со всеми странами ЕС, неустанно повторяя слова поддержки и солидарности⁸, подкрепленные несколько запоздалым практическим комплексом мер. В последнюю декаду марта 2020 г., например, были ускорены грузоперевозки внутри ЕС между отдельными государствами, чтобы не допустить нехватки продуктов и медикаментов. Так называемые «зеленые коридоры» позволяли без бюрократических проволочек пересекать национальные границы и доставлять все товары вовремя⁹. Также Еврокомиссия выделила 80 млн евро высокотехнологичной компании CureVac (Тюбинген, Германия) на разработку вакцины против коронавируса¹⁰, предложила программу защиты рабочих мест и работников, затронутых

³ Declaration on European Identity. Copenhagen, 14 Dec 1973. URL: https://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf (accessed 22 Dec 2021). Здесь и далее по тексту перевод выполнен автором статьи.

⁴ Под начальной фазой автор подразумевает период с марта по май 2020 г., когда с началом пандемии отдельные государства фактически принимали меры для борьбы с распространением вируса без согласования с Брюсселем.

⁵ Macdonald-Gibson Ch. The Coronavirus Outbreak is a Critical Test for the European Union. So Far, It's Failing. 18 Mar 2020. URL: <https://time.com/5805783/coronavirus-european-union/> (accessed 22 Dec 2021).

⁶ Temporary Reintroduction of Border Control. URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/what-we-do/policies/borders-and-visas/schengen/reintroduction-border-control_en (accessed 22.12.2021)

⁷ Macdonald-Gibson Ch. The Coronavirus Outbreak...

⁸ Speech by President von der Leyen at the European Parliament Plenary on the European Coordinated Response to the COVID-19 outbreak. 26 Mar 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_532 (accessed 22 Dec 2021); State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary. 16 Sep 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed 22 Dec 2021).

⁹ Nielsen N. Coronavirus: What EU can and can't do. 25 Mar 2020. URL: <https://euobserver.com/coronavirus/147865> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁰ Coronavirus: Commission offers financing to innovative vaccines company CureVac. 16 Mar 2020. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_474 (accessed 22 Dec 2021).

Ковид-19, на сумму 100 млрд евро и разработала план помощи в размере 50 млн евро для поставок медицинского оборудования; ЕЦБ выделил 750 млрд евро, чтобы помочь еврозоне оставаться на плаву¹¹.

Причина растерянности и неготовности Брюсселя к оказанию помощи во многом носила объективный характер. ЕС юридически имеет ограниченные полномочия для отражения таких вызовов, какой стала пандемия коронавируса. В ст. 168 Раздела XIV «Здравоохранение» Договора о функционировании ЕС (в редакции 2009 г.) указано, что «надзор за здоровьем» лежит прежде всего на национальном государстве. ЕС может «дополнять национальную политику» и «поощрять сотрудничество»¹². Иными словами, Европейская комиссия координирует и поддерживает государства-члены ЕС в области здравоохранения, дает рекомендации и советы, оказывает помощь через другие структуры. С. Блокманс, эксперт из Брюссельского центра европейских политических исследований напоминает, что государства ЕС никогда не выражали заинтересованность в передаче полномочий в области здравоохранения на наднациональный уровень. «Я думаю, что это неотъемлемая часть той части государства всеобщего благосостояния, которая остается национальной компетенцией»¹³.

Договор о функционировании ЕС также содержит пункт о солидарности, известный как ст. 222, Раздел VII «Условие солидарности»: «Союз и его государства-члены действуют совместно в духе солидарности, если одно из государств-членов подвергается террористической атаке либо становится жертвой катастрофы, вызванной природными факторами или человеком»¹⁴. Разумеется, принудить какое-либо государство к оказанию помощи, да еще в условиях, когда оно само находилось в опасности, невозможно, инстинкт самосохранения в начале пандемии как внесистемного вызова оказался сильнее наднационального принципа.

На пути к преодолению кризиса солидарности и доверия?

В апреле 2020 г. состоялся очередной видеосаммит ЕС, на котором лидеры ЕС договорились о создании Фонда для восстановления экономики объемом до 2 млрд евро¹⁵. Канцлер Германии А. Меркель заявила, что Фонд отвечает

интересам Германии: «В духе солидарности мы должны быть готовы сделать совершенно иные, значительно более высокие взносы в европейский бюджет», – заявила она в выступлении в Бундестаге накануне саммита¹⁶. Решения председателя Европейского совета Ш. Мишеля, последовавшие вслед за саммитом, зафиксировали формулирование совместной Дорожной карты для восстановления ЕС¹⁷. Этот документ, выстроенный вокруг таких важных принципов, как солидарность, сплоченность и сближение, признавал первостепенность здоровья и безопасность граждан ЕС. Кроме того, он определял четыре ключевые области для действий: полностью функционирующий Единый рынок, беспрецедентные инвестиционные усилия, действия в глобальном масштабе и функционирующая система управления. После заседания Еврогруппы в инклюзивном формате 9 апреля 2020 г. было одобрено соглашение о трех важных составляющих социальной защиты для рабочих, предприятий и суверенных компаний на общую сумму 540 млрд евро¹⁸.

Что касается Италии, то ее резко эмоциональная реакция ко времени проведения саммита сменилась на более спокойное и конструктивное отношение к Брюсселю, особенно с учетом выделенной финансовой помощи и стабилизации ситуации внутри страны. Однако вряд ли было возможно говорить о полном и бесповоротном преодолении кризиса солидарности. Коронакризис поставил вопросы о самом содержании этого понятия как ключевого элемента идентичности ЕС, возможности и способах его целенаправленного конструирования.

Солидарность была заложена в «основы объединенной Европы» наряду с «обеспечением прочного мира, единства, равенства, свободы и безопасности». Более того, принцип солидарности ЕС выступает основополагающим, основанным на равном и справедливом распределении как преимуществ, т. е. процветания, так и бремени между членами¹⁹.

С началом пандемии, как отмечает политический аналитик Центра европейской политики (Бельгия) С. Порншлегель, солидарность стала «концепцией, на которую широко ссылались лица, принимающие решения в ЕС», однако оставалась «расплывчатой и двусмысленной»: если солидарность на национальном уровне можно считать «первостепенной», то солидарность ЕС выступала в качестве «второстепенной» важности [23, p. 5].

¹¹ Adler K. Coronavirus outbreak eats into EU unity. URL: <https://www.bbc.com/news/world-europe-52135816> (accessed 22 Dec 2021).

¹² Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция). URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 22.12.2021).

¹³ Nielsen N. Coronavirus: What EU can and can't d...

¹⁴ Договор о функционировании Европейского союза (новая редакция...

¹⁵ EU Leaders clash over trillion euro Covid-19 aid in on-line meeting. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/23/clashes-predicted-over-trillion-euro-covid-19-aid-as-eu-meets-online> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Conclusions of the President of the European Council following the video conference of the members of the European Council. 23 Apr 2020. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2020/04/23/conclusions-by-president-charles-michel-following-the-video-conference-with-members-of-the-european-council-on-23-april-2020/> (accessed 22 Dec 2021).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Solidarity Principle. 4 May 2011. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/observatories/eurwork/industrial-relations-dictionary/solidarity-principle> (accessed 22 Dec 2021).

В июле 2020 г. состоялся очередной, уже в формате очного общения, саммит ЕС, на котором был принят План по восстановлению экономик союза в размере 750 млрд евро и семилетний бюджет в размере 1,074 трлн евро. Такие крупные ассигнования стали результатом решения государств-членов ЕС о временном займе большого объема капитала на рынках и договоренности о введении новых «собственных ресурсов», т. е. новых сборов ЕС для финансирования погашения совместного долга. После сложных и изнурительных переговоров, продолжавшихся пять дней, лидеры стран ЕС согласились предоставить 390 млрд евро в виде грантов и 360 млрд евро в виде ссуд под низкие проценты наиболее пострадавшим государствам (Италия, Испания, Греция и др.)²⁰.

Итоги этого саммита в освещении прессы и экспертных оценках носили позитивный характер. Однако делать выводы об окончательном преодолении кризиса идентичности ЕС было рано, учитывая, что пандемия продолжилась. На саммите в мае 2021 г. главы государств и правительств Евросоюза договорились восстановить к лету 2021 г. свободное передвижение людей, ограниченное из-за коронавируса, и поддержали введение т. н. «цифровых ковидных сертификатов», которые удостоверяют отсутствие у взрослого путешественника вируса Ковид-19²¹.

В наступивший 2022 г. Евросоюз вошел с уже обозначенными проблемами, связанными с распространением нового штамма коронавируса – омикрона, символизировавшего начало пятой волны пандемии. Брюссель призвал к наращиванию темпов вакцинации и введению дополнительных ограничений отдельными странами для предотвращения заражений²².

Динамика общественного мнения в отношении идентичности ЕС среди жителей Евросоюза

Пандемия коронавируса актуализировала задачу укрепления идентичности ЕС. Кейс Италии и других стран показывает, что идеи доверия и солидарности на уровне союза оказываются хрупкими конструкциями, эгоистическое начало берет верх в критический момент, и национальный уровень идентичности становится доминирующим, в некоторых случаях вступая в конфликт с уровнем ЕС. Действенных рецептов по недопущению таких ситуаций пока нет. Существующая модель идентичности союза, базирующаяся на таких

универсальных элементах, как общая история, география, демократические ценности, высокий уровень социальной защиты; культура; общее религиозное наследие и др.²³, в кризисных ситуациях уступает место национальному началу.

Опасность развития таких нежелательных сценариев понимали родоначальники европейской интеграции, считавшие «национализм и национальное первородным грехом» и «первопричиной» кровопролитных войн в XX в. в Европе. Прародители ЕС видели европейскую идентичность как нечто, что возникло бы посредством «того самого процесса, который в более ранний период истории произвел наши национальные формы жизни» [15, р. 6–7].

В опросах социологической службы Евробарометр сопричастность населения именно со своим государством, в первую очередь в длительной временной динамике, прослеживается четко: преимущественно жители ЕС соотносят себя с национальным уровнем (в каких-то случаях отмечается сильная региональная идентичность), в то время как уровень ЕС указывается респондентами на 2–3 месте.

Европейская комиссия отреагировала на возникший в начале пандемии кризис идентичности ЕС. В специальном отчете Евробарометра в серии «Ценности и идентичности граждан ЕС» (2020–2021 гг.), составленном по отличной от прежних подобных отчетов структуре, были представлены данные по самоидентификации жителей стран Евросоюза по профессиональному, возрастному, гендерному, этническому, образовательному, религиозному и политическому признакам. Еще четыре (и всего 12) включали разные уровни коллективной идентичности: отождествление себя с семьей, местом проживания / регионом, национальным и европейским уровнем.

Как видно, два последних показателя оказались «защиты» в общие уровни коллективной идентичности. Такая логика выстраивания и анализа разных уровней самосознания впервые представлена в отчетах Евробарометра за всю историю его существования с 1973 г. В этой связи интерес в упомянутом отчете вызывает раздел, озаглавленный «Идентичность под угрозой?» и явно отсылающий к реакции Еврокомиссии на пандемию. На вопрос, считаете ли Вы, что Ваша идентичность находится под угрозой, были получены следующие результаты: 56 % ответили несогласием, 22 % опрошенных ни согласны, ни не согласны, 21 % согласился с озвученным утверждением²⁴. Среди последних наиболее высокая доля респондентов была зафиксирована

²⁰ Zalan E. EU Leaders agree corona recovery after epic summit. 21 Jul 2020. URL: https://euobserver.com/economic/148997?utm_source=euobs&utm_medium=email&fbclid=IwAR00KlumQEhBubOLT2dnuX09tZaTP74FbuB0lrMLFdgUX7BNldBcapn1g (accessed 22 Dec 2021).

²¹ Саммит ЕС: пандемия и климат. URL: <https://ru.euronews.com/2021/05/25/eu-summit-covid-climate-ursula> (дата обращения: 31.01.2022).

²² Какие проблемы возьмет с собой Евросоюз в 2022 год? URL: <https://www.dw.com/ru/kakie-problemy-evrosojuz-vozmets-s-soboj-v-2022-god/a-60230260> (дата обращения: 31.01.2022).

²³ Автор в данном случае руководствовалась перечнем, который уже на протяжении трех десятилетий фигурирует в опросах Евробарометра и включает в себя т. н. постоянные элементы. К подвижным элементам относятся образовательные программы, спортивные мероприятия, отдельные экономические инициативы ЕС и др.

²⁴ Becuwe N., Baneth O. Special Eurobarometer 508 on Values and Identities of EU citizens. Luxembourg, 2021. P. 86. <https://doi.org/10.2760/206143>

на Кипре (33 %), в Греции (31 %), Австрии (27 %), Мальте (26 %) и Болгарии (25 %) ²⁵.

Эти цифры, казалось бы, свидетельствуют об отсутствии серьезных проблем, хотя неопределившиеся и ответившие положительно на заданный вопрос составляют 43 % против 56 %. Такие данные явно говорят о наличии трудностей с самоидентификацией жителей ЕС по разным показателям.

Согласно общим данным, самой сильной среди других уровней является семейная идентичность: в 23 из 27 стран ЕС респонденты чаще всего соотносят себя со своей семьей. Далее идет национальная идентичность: в среднем по ЕС 73 % респондентов заявили, что идентифицируют себя по этому признаку, еще 17 % – наоборот, не отождествляют себя по принципу гражданства. Что касается идентичности ЕС, то чуть более 50 % респондентов определяют себя как европейцев, и только 14 % ответили, что они совсем себя не определяют таковыми. В 8 странах менее половины респондентов относят себя к европейцам: это Греция и Швеция (42 %), Хорватия (45 %), Бельгия и Эстония (46 %), Нидерланды (48 %), Финляндия (49 %). Существенные различия можно найти среди респондентов из разных стран-членов ЕС. Более восьми из десяти респондентов в Португалии (93 %), Венгрии (87 %), Словакии (85 %), Испании (84 %), Болгарии и на Кипре (83 %) идентифицируют себя со своей национальностью. Половина опрошенных соотносят себя со своей национальностью «сильно» в Португалии (69 %), Болгарии (57 %), Венгрии, Словакии и на Кипре (50 %) ²⁶.

56 % респондентов в ЕС указывают, что идентифицируют себя с европейцами, 28 % уклонились от ответа, 14 % не отождествляют себя с европейцами. Некоторые вариации можно найти в разных государствах-членах ЕС. Доля выше среднего в идентификации себя с европейцами отмечена в Венгрии (76 %), Словакии (75 %), Мальте (72 %), Польше и на Кипре (67 %), в Румынии и Чехии (66 %), Испании и Словении (65 %), Италии (64 %), а также Литве, Латвии и Австрии (63 %) ²⁷.

До пандемии общие результаты были аналогичными: в первую очередь жители ЕС отождествляли себя с национальным государством. Например, в Евробарометре за 2012 г. подавляющее большинство европейцев (91 %) соотносили себя со своей страной. Наиболее ярко выраженным

этот показатель был в Греции (99 %), Дании (98 %) и Польше (97 %). С Евросоюзом себя ассоциировали только 46 % населения против 52 % ²⁸. В 2018 г. эти данные заметно не изменились: 93 % населения в среднем по ЕС отнесли себя к гражданам своей страны и только 56 % – к ЕС ²⁹.

Несмотря на оптимизм составителей Евробарометра, остается вопрос об изменении или корректировании существующей модели идентичности ЕС таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия от описанных выше кризисных ситуаций. В противном случае опасность столкновения национального и общеевропейского уровней, фрагментации и разобщенности ЕС, усиления правого популизма и других угроз сохраняется на длительный период. Эксперты уже на протяжении ряда лет фиксируют рост апатии населения и отдельных местных элит к институтам ЕС, на фоне которой происходят всплески популистских настроений разного спектра по всему союзу [24, р. 8; 25, р. 99]. Согласно опросам, с весны 2020 г. по последний квартал 2021 г. поддержка лидеров популистов в среднем упала на 10 %, в то время как рейтинги непопулистов в среднем вернулись примерно к допандемическому уровню. Электоральная поддержка их партий снизилась, что наиболее заметно в европейских странах, где доля людей, намеревающихся голосовать за популистскую партию, упала в среднем на 11 % – до 27 % в целом ³⁰. Однако в других опросах была замечена любопытная особенность: популистские лидеры, которые демонстрировали серьезное отношение к Ковид-19, во многих случаях получали поддержку в опросах. Снижение поддержки оппозиционных популистских партий в Западной Европе отмечалось в первые три месяца пандемии, но к концу октября значения вернулись почти к своему уровню до пандемии ³¹.

На опасность недооценки правого популизма указывают современные события, например расклад сил на предстоящих президентских выборах во Франции 2022 г. Действующий президент страны Э. Макрон соперничает с правыми и ультраправыми политиками. Шансы лидера правоконсервативной партии «Республиканцы» В. Пекресс и ультраправого политика Э. Земмура оцениваются как весьма высокие ³². Рейтинг последнего сравнялся в феврале 2022 г. с поддержкой лидера «Национального объединения» М. ле Пен ³³, причем все кандидаты особое внимание уделяют отношению к ЕС и наиболее насущным составляющим его развития.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. P. 71.

²⁷ Ibid. P. 86.

²⁸ Standard Eurobarometer 77.3. 2012. <https://doi.org/10.4232/1.12050>

²⁹ Standard Eurobarometer 89. 2018. Public opinion in the European Union. <https://doi.org/10.2775/00>

³⁰ The collapse of populist support during the pandemic. 18 Jan 2022. URL: <https://www.openaccessgovernment.org/populism-pandemic/127794/> (accessed 28 Jan 2022).

³¹ Meyer B. Populists in Power: Perils and Prospects in 2021. 18 Jan 2021. URL: <https://institute.global/policy/populists-power-perils-and-prospects-2021> (accessed 28 Jan 2022).

³² Макрон и еще правее. Кто участвует в президентских выборах во Франции. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-59597146> (дата обращения: 02.02.2022).

³³ Четверо правых. Коммерсант. 06.02.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5204869> (дата обращения: 10.02.2022).

Заключение

С началом пандемии коронавируса обозначилась очередная волна научных и общественно-политических дискуссий о том, что ЕС достиг пределов интеграции и ему требуется передышка для собирания сил и переосмысления содержания и политики конструирования идентичности ЕС. Хотя приведенные в статье данные Евробарометра за 2020–2021 гг. свидетельствуют о преодолении ситуативного, казалось бы, кризиса идентичности ЕС и высокой поддержке граждан, особое внимание в нем к вопросам об угрозе разным видам идентичности и само структурирование отчета, отличное от прошлых аналогичных материалов, говорит об обратном. Брюссель явно стремится защитить категорию идентичности от критики, признавая тем самым необходимость усиления ее резистентных функций на случай обострения текущей ситуации или появления новых вызовов. Отсутствие же в новом отчете выделения разных элементов идентичности, как это было на протяжении многих лет в отчетах указанной социологической службы, дает повод предположить разработку нового подхода в определении составляющих идентичности ЕС. Очевидно, что Евросоюзу следует наращивать, учитывая частоту обсуждения этих вопросов в экспертных кругах,

действия по укреплению механизмов для «подстраивания» к национальному уровню идентичности и смягчению проявления эгоистических устремлений государств в момент опасности, повышению качества доверия и солидарности внутри объединения и готовности к подлинному, а не декларативному диалогу.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflicting interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 22-28-00187 «"Неопределенность" как норма жизни: идентичность ЕС в условиях глобальных трансформаций». <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00187 "Uncertainty as the Norm of Life: The EU Identity & Global Transformations". <https://rscf.ru/project/22-28-00187/>

Литература / References

- Алонци Р. Миграционные процессы и конструирование идентичности ЕС. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2018. Т. 20. № 2. С. 167–175. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175>
- Alonzi R. Contemporary migration processes and construction of European identity. *RUDN Journal of Political Science*, 2018, 20(2): 167–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2018-20-2-167-175>
- Браницкий А. Г. Отношение стран-членов ЕС к Евросоюзу и проблема «европейской идентичности». *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения*, под ред. Е. В. Викторовой. СПб.: СПбГЭУ, 2018. С. 46–50.
- Branitskiy A. G. The attitude of the EU member-states citizens to the European Union and the problem of "European identity". *Modern European identity formation in the framework of the EU integration: social and cultural dimensions*, ed. Viktorova E. V. St. Petersburg: SPbSUE, 2018, 46–50. (In Russ.)
- Лисицкая И. И. Кризис идентичности как основная детерминанта роста евроскептицизма в ЕС. *Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»*. 2020. Т. 2. № 12-1. С. 146–150.
- Lisitskaya I. I. Crisis of identity as a basic determinant of the growth of Euroscepticism in the EU. *Vestnik studencheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Donetskii natsionalnii universitet"*, 2020, 2(12-1): 146–150. (In Russ.)
- Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. *Акторы, институты, нарративы*, под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: ЕУСПб, 2020. 632 с.
- The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe, eds. Miller A. I., Efremenko D. V. St. Petersburg: EUSPb, 2020, 632. (In Russ.)
- Фадеева Л. А. Современные вызовы политики идентичности в ЕС. *Современная Европа*. 2021. № 7. С. 18–26. <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
- Fadeeva L. A. Contemporary challenges of the identity policy in the EU. *Sovremennaya Yevropa*, 2021, (7): 18–26. (In Russ.) <https://doi.org/10.15211/soveurope720211826>
- The State of the European Union: Risks, Reform, Resistance, and Revival, eds. Cowles M., Smith M. Oxford: Oxford University Press, 2000. <https://doi.org/10.1093/0198297572.001.0001>
- Guibernau M. Prospects for a European identity. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, 2011, 24(1/2): 31–43. <https://doi.org/10.1007/s10767-010-9104-6>
- Stoicheva M. G. EU cultural policy and European identity: a way to view correlation. *South Russian Journal of Social Sciences*, 2018, 19(4): 92–108. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-92-108>

9. Хахалкина Е. В. Политика памяти ЕС в контексте осмысления деколонизации и европейской идентичности. *Известия АлтГУ*. 2020. № 6. С. 81–85. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-14)
Khakhalkina E. V. EU memory politics in the context of understanding decolonization and a common European identity. *Izvestiya of Altai State University*, 2020, (6): 81–85. (In Russ.) [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2020\)6-14](https://doi.org/10.14258/izvasu(2020)6-14)
10. Kuhn Th. *Experiencing European integration: transnational lives and European identity*. Oxford, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199688913.001.0001>
11. Levy N., Bonnie Ph. The utility of identity: explaining support for the EU after the crash. *Polity*, 2014, 46(4): 562–590. <https://doi.org/10.1057/pol.2014.19>
12. Royuela V., López-Bazo E. Understanding the process of creation of European identity – the role of Cohesion Policy. *Investigaciones Regionales – Journal of Regional Research*, 2020, (46): 51–70.
13. Youngs R. *The EU beyond the crisis: the unavoidable challenge of legitimacy*. Carnegie Endowment for International Peace, 2013, 32.
14. Janning J. *Crisis and cohesion in the EU: a ten-year review*. ECFR, 2018.
15. Dâmaso M., Davies L. J., Jablonowski K., Montgomery S. *Acting European: identity, belonging and the EU of tomorrow*. Europeanness and Identity Working Group. FEPS YAN 6th Cycle, Jun 2019, 28.
16. Leith M. S., Sim D., van der Zwet A., Boyle E. What does Brexit tell us about our understanding of European identity. *The Political Quarterly*, 2019, 90(3): 559–564. <https://doi.org/10.1111/1467-923X.12734>
17. Семенов И. С. Гражданская идентичность как ресурс национального развития. *Пятый Всероссийский конгресс политологов*. (Москва, 20–22 ноября 2009 г.) URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (дата обращения: 25.12.2021).
18. Семенов И. С. Civic identity as a resource for national development. *5th All-Russian Congress of Political Scientists*, Moscow, 20–22 Nov 2009. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Semenenko_RAPN.pdf (accessed 25 Dec 2021). (In Russ.)
19. Семенов И. С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полит. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
Semenenko I. S. Identity politics and identities in politics: interethnic perspectives in a European context. *Polis. Political Studies*, 2016, (4): 8–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03>
20. Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке, отв. ред. И. С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. 471 с.
Political identity and identity politics. Vol. 2. Identity and socio-political changes in the XXI century, ed. Semenenko I. S. Moscow: ROSSPEN, 2012, 471. (In Russ.)
21. Хахалкина Е. В., Грошева Г. В. Проблемы укрепления идентичности ЕС и оценка Евробарометра как инструмента для ее «замера». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 220–236. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>
Khakhalkina E. V., Grosheva G. V. Problems of strengthening European identity and an evaluation of Eurobarometer as a tool to measure its identity. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019, (6): 220–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.11>
22. Caretelli I. European Identity and the Test of COVID-19. *Instituto Affari Internazionali*. 8 May 2020. URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/iaicom2034.pdf> (accessed 10 Dec 2021).
23. Miró J. Debating fiscal solidarity in the EU: interests, values and identities in the legitimization of the Next Generation EU plan. *Journal of European Integration*, 2021, 44(3): 307–325. <https://doi.org/10.1080/07036337.2021.1977292>
24. Pornschlegel S. *Solidarity in the EU: More hype than substance?* European Policy Centre. Issue Paper. 28 Jul 2021, 32.
25. Bakare N., Sherazi T. Z. Is the European Union evolving or failing? *Policy Perspectives*, 2019, 16(2): 5–25. <https://doi.org/10.2307/j50009730>
26. Grygiel J. The return of Europe's nation-states: the upside to the EU's crisis. *Foreign Affairs*, 2016, 95(5): 94–101.